

ЧЕТВЕРТАЯ ЮСИЯ Свет последней звезды

Вет. Москва, — 1997 — 26 июня, — с. 12

Заголовок малость высокопарный, да? Однако, оглядываясь вспять, на минувший десяток лет бытования нашего кинематографа, именно Ксению Качалину я могу назвать последней звездой в этой стороне небосвода искусства.

Она едва-едва успела вписаться в то время, когда наши фильмы еще все-таки смотрели достаточно массово, и — сверкнуть достаточно ярко. Напомню названия: «Нелюбовь», «Над темной водой», «Тьма», «Дикая любовь», «Три сестры», «Мужские откровения...». За первую же роль получила приз на фестивале «Кинотавр».

...Качалину знают, помнят и любят — в отличие от нынешних старлетов, которым даже престижная национальная премия известности, увы, не добавляет.

Уже после беседы с Ксенией заглянул в ее гороскоп. Вот что вычитал:

«Вы можете довериться ей, она не продаст вас и никогда не будет стараться обмануть кого-либо. Она наивна, доверчива, беззащитна. Однако не верьте ее видимой слабости, она только миролюбива». Кажется, похоже.

— Ксюша, я знаю, что в родном Саратове ты какое-то время училась в тамошней консерватории, но на актерском факультете. Что бы это значило?

— Дело в том, что в Саратове очень хорошая актерская школа была. И было театральное училище. Оттуда вышли Яковский, Табаков, Конкин — все, как доктор прописал. Потом решили превратить училище в институт, но, поскольку городок достаточно маленький, ограничились актерским факультетом при консерватории.

— А что за счастливый случай, благодаря которому ты оказалась в Москве?

— Это, наверное, было связано с несчастным случаем в Саратове.

— То есть?

— Так обстоятельства просто сложились — наверное, переходный возраст был, — что нужно было уходить со второго курса консерватории, уходить от родителей, рвать со своими бывшими друзьями. Что-то такое менялось, пласты двигались...

— А в чем менялась ты?

— Ну когда я поступила после школы в консерваторию — была веселой, жизнерадостной, а если говорить про амплу — была изначально трагичной. Такая девчушка-хотушка озорная с хвостиком. И вот два года поддерживала имидж трагичной — а потом это просто замучило. Я не могла больше корчить из себя подобное.

— А какое у тебя амплу сегодня?

— Я вообще сейчас от амплу, как от такового, отказалась. Оставила это в прошлой жизни.

— Сложно ли было акклиматизироваться в столичной жизни?

— Особых проблем не было. Как-то все само собой так получилось. Карты правильно легли, наверное. И еще до поступления в ВГИК у меня был длительный роман...

— А кто он был?

— Музыкант. На гитаре играл. Песенки пел.

— Если бы ты не стала актрисой...

— Я думаю, мне было бы тяжелее гораздо. В школе мне было очень тяжело. В детском саду — еще тяжелее. Я все помню — и очень радуюсь, что детство у меня кончилось.

— Почему?

— Потому что когда я в детстве пыталась серьезно разговаривать со взрослыми людьми — это не получалось. Ребенка же по-настоящему никто не воспринимает, а я помню, что мое мироощущение — оно как бы и не изменилось. Понимаешь, ты ведь сейчас не стал бы разговаривать так с семилетним ребенком?

— Если бы был мой ребенок — стал бы.

— Ну вот — а со мной отказывались разговаривать.

— А что у тебя были за родители?

— Родители как родители. Мама — инженер.

— А папа?

— Папа был — сначала...

— Да, понятно. Так бывает.

— Бывает, бывает... И так сложилось, что мои одноклассники, ровесники жили достаточно далеко от меня, мне туда ходить не разрешали. А с ребятами, которые жили рядом, была разница лет в шесть-семь.

Плюс или минус. Более взрослая компания меня не принимала — вот я с малышами и общалась.

— Каково было впервые оказаться перед камерой?

— Я, честно говоря, не помню. Можно, конечно, что-нибудь придумать...

— Да уж не надо. А вот, к примеру, в «Нелюбви» твоя героиня — девушка, я бы сказал, инферальная, а в фильме «Над темной водой» — такая устойчивая, надежная. Ты лично ближе к какому типу?

— Я, наверное, ближе к нормальному, психологически устойчивому типу. Все зависит от обстоятельств. Если бы героиня «Нелюбви» забеременела, как героиня картины «Над темной водой», то она не стала бы кончать жизнь самоубийством. Понимаешь? Все достаточно просто определяется.

— В «Трех сестрах» ты сыграла Машу. Тебя вообще тянет на Чехова?

— Чехова я разлюбила очень.

— Почему?

— Потому что неопределенность хороша только тогда, когда она хороша, понимаешь? А когда неопределенность превращается во всякие мямли... Смотреть на то, как люди жуют сопли, читать про это не очень интересно.

— А в какой книжке тебе хотелось бы пожить в качестве персонажа?

— Много хороших историй, в которых хотелось бы пожить. Истории Брэдли, Булгакова, Набокова, Салинджера...

— А если назвать конкретный персонаж?

— Да разными хотела бы побыть.

— Бегемотом?

— Может быть, да. Бегемот очень такой обаятельный.

— А Маргаритой?

— Нет.

— Почему?

— Неинтересно — потому что однозначно.

— В фильме «Тьма» были сцены, где тебе нужно было играть совершенно обнаженной. Это сложно?

— Сложно. Потому что я стесняюсь. А ты бы не стеснялся, если бы тебя снимали обнаженным?

— Я вообще бы умер.

— Ну вот. А чего же спрашиваешь?

— Ну у тебя здорово получилось.

— А у тебя бы тоже получилось.

— Ну, не знаю... А скажи-ка: ты ощущаешь, что стала звездой? Или, скажем так, звездочкой?

— Понимаешь, если бы у меня была цель в жизни — стать звездой, — я была бы, наверное, разочарована. Такого у меня не было — это достаточно глупая цель. Просто хочется работать на сто процентов. А то, что будет потом, — это уже либо приложится, либо не приложится. И если это не прилагается, то не прилагается. И наоборот. Все очень просто.

Алексей ЕРОХИН

